

О ТВОРЧЕСКОМ ПУТИ ФРАНЦА ВЕРФЕЛЯ

М. Б. ПИРУМОВА

Франц Верфель — автор всемирно известного романа «40 дней Муса-горы». Роман этот воскресил в памяти народов трагические события армянской резни — геноцида 1915 г. Мир услышал гневный голос писателя, поднявшегося в защиту армянского народа, его прав и достоинств.

Франц Верфель родился в 1890 г. в Праге, в семье состоятельных родителей. Отец готовил сына к карьере фабриканта, но Верфель мечтал о поэзии и искусстве. Разногласия с отцом привели к тому, что 20-ти лет он покинул отчий дом и уехал в Гамбург работать.

Многие немецкие писатели — Райнер Мариа Рильке, Фр. Кафка, Эгон Эрвин Киш, Луис Фюрнберг, Вайскопф и другие — также родились в Праге. Пражские немецкие писатели между 1900—1939 г. создали значительную литературу на немецком языке. Франц Верфель оформился в этой среде и как Кафка, Рильке вырос, выйдя далеко за пределы Праги.

Фр. Верфель из тех писателей, которые охватывают в своем творчестве многие литературные жанры. Занимаясь поэзией и драматургией, он писал также рассказы, романы. В 1912—1914 гг. он лектор издательства, солдат первой мировой войны. Был на русском фронте. Был свидетелем крушения габсбургской монархии и участвовал в революционных выступлениях 1918 г. Затем писатель жил в Берлине и Вене, где он посвящал много времени музыке. Влюбленный в музыку, он был большим ее знатоком, отводя ей большое место в своих постановках. «Музыка для него явилась той непосредственной, воодушевляющей силой, которая находит отклик в душе человека, становясь основой его мироощущения. Верди был для него символом этого счастливого искусства»¹.

Женился он на вдове композитора Густава Малера, с которой познакомился в Вене в 1917 г. Дом супругов Верфель был местом встреч известных музыкантов и композиторов, которых писатель называл служителями высокого искусства. У Верфеля бывали выдающиеся композиторы Равель, Рихард Штраус и многие другие. Известно влияние Верфеля на композиторов, а следствием влияния последних на него стало музыкальное сопровождение его драм. Верфель писал: «Если бы было возможно, я бы сочинял оперы, текстом которых были бы лишь возгласы ликования, вздохи, стоны боли, звуки радости и крики мести. К чему многословные предложения, которые никто понимать не мог, когда их музыка несет. У музыкальной речи другая логика, чем логика слов»².

Последующие двадцать лет, очень плодотворные в творчестве писателя, Верфель провел в Австрии. Бывал в Палестине и Египте, в Италии.

Когда гитлеровские войска оккупировали Австрию, Верфель оказался в Италии (в Риме), затем два года жил он со своей женой в Париже. Когда же в 1940 г. Париж капитулировал, они скрывались в южной Франции, живя в постоянном страхе.

В 1940 г. они совершают опасный для жизни переход через Пиренеи, вместе с Генрихом Манном, его женой и сыном Томаса Манна — Голо. Испания, Португалия и, наконец, Соединенные Штаты Америки. Беверли-хиллс (Калифорния) стал последний

¹ Meister Fr. Werfels Dramen u. ihre Inszenierungen, стр. 52.

² Там же.

стоянкой Фр. Верфеля. Сюда же эмигрировали Томас и Генрих Манны, Фейхтваангер, Альфред Нейман, Бруно Франк, Шёнберг и другие.

В 1911 г. вышел в свет первый сборник Фр. Верфеля «Друг мира». Это было перед первой мировой войной. Поэт обращается к читателю и говорит: «Мое единственное желание, о человек, быть с тобой в родстве, будь ты негром, акробатом, ребенком, мое единственное желание быть с вами»

«О если б хоть раз мы, братья,
Заклучили друг друга в объятия»³.

Возможно, это было предчувствием первой мировой войны, где будет разрушено все человеческое и где снова усилится позорящий человека расизм.

В канун первой мировой войны люди отчуждались друг от друга, ибо лишь отчуждаясь они могли убивать друг друга. Об этой внутренней катастрофе говорится в книге Верфеля «Wir sind» («Мы существуем», 1913 г.). Приближение катастрофы чувствовалось в каждой строке, в каждом поэтическом образе.

В 1915 г. во время войны Верфель издал свой третий поэтический сборник «Einander». В этой книге поэт чувствует себя в родстве со всем живым, со всем существующим, выражая все эти ощущения в форме, которая сначала приводит в ужас читателя, пока он не уловит ее скрытый смысл — страстную тоску по человеку.

Собрание «Einander» («Друг друга») открывается стихотворением «Смех, дыхание, шаг», которое является одним из прекраснейших верфелевских стихов

«Не солнце свет,
Лишь в человеческом лице
Рождается свет в виде смеха...»⁴.

Это стихотворение было написано во время войны, когда люди перестали смеяться, когда лицо человека не излучало свет, а небо было освещено заревом пожаров.

Дымно, душно, мрачно было в мире, объятom войной, и Фр. Верфель старался вырваться из него, обратившись к дружбе человека с человеком.

Говоря о Верфеле, мы не можем обойти экспрессионизм в немецкой литературе. Экспрессионизм — направление в искусстве и литературе XX в., возникшее во время великих смещений общественных сил. Экспрессионизм был откликом на острейшие противоречия эпохи империализма и выражением протеста против уродств капиталистического общества. Бесчеловечность буржуазной действительности вызывает у одних чувство растерянности, у других — чувство обреченности и мистического ужаса. Но у большинства представителей экспрессионизма протест против существующего порядка принимает бунтарский характер. Характерным для экспрессионистов были «поиски духа». Экспрессионизм искал дух в первобытно-чистой экспрессии — на Востоке. Примечательно, что после войны в Мюнхене издавался экспрессионистский журнал под названием «Арарат».

Журнал «Действие» («Aktion») определял свое назначение как широкополитическое. Будучи до войны радикально-социалистическим, он эволюционизировал до коммунистических идеалов, приводя на своих страницах манифесты русских Советов, боевые статьи Ленина, Луначарского и др.⁵ Не случайно один из экспрессионистских журналов того времени, где печатались Генрих Манн, К. Гольдшмидт, Пауль Цех и др. (редактором журнала «der Osten» был Армин Вегнер), напечатал статью, где говорится:

³ Fr. Werfel Menschenblick. Ausgewählte Gedichte „An den Leser“, стр. 8.

⁴ Там же.

⁵ «Экспрессионизм». Сборник статей, П.—М., 1923, стр. 64.

«...Самое великое деяние девятого ноября (1919 г.) мобилизация души в нас, которая подняла глубоко страждущее человечество из своего сомнения и самое себя освободило. Этим деянием благодарны мы пролетариату. Поэтому необходимо, чтобы поднялось человечество во всех странах. Поэтому нужен нам мировой парламент, большой дом народов, который объединит все народы. Европа не одинока. 900 миллионов живет в Азии, и они люди, и без сомнения во многих отношениях лучше, чем мы. Если Европа — голова, то эта голова должна идти к своему сердцу и убить страшнейшую механизацию духа, которая охватила людей умственного труда. Чернокожие и коричневокожие уже принадлежат к союзу мира больше, чем побледневшие европейцы... великая революция души в становлении»⁶.

После первой мировой войны экспрессионисты утешали себя тем, что война мобилизовала все, кроме человеческого духа, человечности. Правильно, что война усиливала противодействие честных людей, мечту о мире, но это не было пассивной мечтой. В своей статье «О новой прозе» Макс Крель пишет: «...Материя стала кошмаром — ревом машин, давящим спокойный и твердый дух. Война тоже, достигшая законченного совершенства, подняла разлад до небесной высоты». Макс Крель продолжает: «Экспрессионизм вынес на свет то, что бродило внутри». Протест Армина Вегнера против механизации духа был протестом всего экспрессионизма. Экспрессионисты шли назад к истоку — к Востоку и воспевали общечеловеческое, выступали против дискриминации наций, подавая руку черному, коричневому, желтому. И не удивительно, что многие экспрессионистские писатели перешли в коммунистический лагерь (Иоганнес Бехер, Фридрих Вольф, Людвиг Рубинер, Рудольф Леонгард), а многие из них стали активными деятелями антимилитаризма и антифашизма (Генрих Манн, Леонгард Франк, Арнольд Цвейг, Вальтер Хазенклевер, Армин Вегнер, Франц Верфель). Гитлеровцы уничтожали книги и картины экспрессионистов, а в 1933 г. экспрессионистское искусство было объявлено «чуждым германской расе», что уже о многом говорит.

В экспрессионизме были писатели и художники, которые неслись в бурном вихре, а также были писатели, которые противостояли этому вихрю, утверждая свое «я» и сделав моральным центром человека, доброту, справедливость. В некрологе, посвященном Францу Верфелю, Томас Манн писал в 1945 г.: «Он был слишком богат и слишком сам по себе личность для того, чтобы примкнуть к какой-то школе, выйдя далеко за рамки экспрессионизма»⁷.

Поэзия и драматургия у Верфеля сопутствовали друг другу. Драматургия более родственна поэзии, поэтому поэт Верфель тяготел к драматургии, чтобы затем перейти к прозе своим повествовательным широким охватом.

Драма «Троянки», написанная им в 1914 г., вышла в свет и поднялась на сцену в 1915 г., когда первая мировая война была в разгаре. Основой «Троянок» послужила драма Еврипида «Гекуба не хочет умирать». Там, где было столько смерти, нельзя было умирать, а нужно было жить. (С этой идеей Верфеля мы еще встретимся в романе «40 дней Муса-горы», где горстка армянского народа, потеряв родину, не должна была умереть). Фр. Верфель не дает умереть Гекубе, потому что мучение не умирает смертью, мученичество это вечная категория, и человек должен жить, ибо живя, он утверждает себя, жизнь и отнимает у смерти право властвовать над мученичеством и трагедией.

В 1911 г. была написана драма «Посещение из Элизия», поставленная в 1917 г. на сцене Берлинского театра. Верфель использовал не только мифическое заглавие, но и мифическую атмосферу, загробный мир и человека из загробного мира. Если в 1917 г. эта одноактная пьеса собирала многих зрителей, то это следует объяснить тем, что эта драма была посвящением погибшим мужьям, близким, которые остались в окопах, или их посвящением своим матерям, женам и вдовам. В 1920 г. Фр. Верфель закончил

⁶ См. „Der Osten“ Zeitschrift für das Östliche Europa Das heft 40 april/Juin 1919. Все переводы с немецкого сделаны автором статьи.

⁷ Fr. Werfel, Menschenblick Nachwort Richard Christ, стр. 138.

драму «Человек из зеркала». Война кончилась, и человек мог видеть себя в зеркале. Но герой драмы Тамал не видел в зеркале своего отражения, не стремился к самопознанию, а уставший от жизни в 30 лет хотел уйти из жизни, замкнуться, жить жизнью отшельника. «Человек из зеркала» перекликается с гетевским «Фаустом». В обеих вещах герой не один, рядом с ним его двойник. Внутренний и внешний двойник. Этим и отличается двойник Тамала от Мефистофеля. В обеих вещах тема искания смысла жизни — цели земного бытия. Если в «Фаусте» поднимающийся класс — буржуазия диктует победу над Мефистофелем и утверждает общественное начало счастья, где человек приобретает душевное равновесие, когда свободным людям дает свободный край и оптимистически утверждает силу природы, то верфелевский Мефистофель и Фауст — Тамал и его «я» переживают трагедию нисходящего класса. Если Мефистофель это беспокойная мысль, неустанная энергия, «зло», без которого невозможно «добро», то у Верфеля человек из зеркала — воплощение эгоизма, самовлюбленности, самоуслаждения. Герой Верфеля старается освободиться от ужасного бытия и уйти к духовному началу, где можно спокойно отдаться нирване и не принимать удары реальной жизни. А Фауст Гете находит свое счастье в бытии.

После этой драмы начинается литературный период Фр. Верфеля 20-х годов, когда он написал ряд вещей в прозе: «Не убийца, а убитый виновен», «Однокашники» и самый купный роман «Верди», который он закончил в 1924 г.

Тема «Однокашников» — тема морального порядка. Надрыв, которым проникнуты отдельные сцены, напоминает нам Достоевского. Это роман о потерянном поколении. Значительность поставленной в романе темы, широта охваченного социального материала вместе с углубленным психологическим рисунком делают из «Однокашников» одно из лучших произведений современной западной литературы.

В романе «Верди» были те моральные и идейные концепции, которые получили свое развитие в книге «40 дней Муса-горы».

Италия находилась под чужеземным игом, там назревала революция. В дни национально-освободительной борьбы народ избрал своим героем Верди. Известно, что не раз в эти годы постановки опер Верди превращались в общественные манифестации. Верди называли в народе «маэстро итальянской революции». Он воспевал борьбу против тирании чужеземных захватчиков, верность долгу и отмыщение за несправедливость. Музыка Верди тесно связана с народной музыкой Италии. «...Верди писал для людей, а не для утонченных умов, для совершенно определенных людей, что переполняют театральные залы Италии...»⁸. В этих словах не только защита Верди, но и защита литературной концепции Верфеля, который сам писал для народа, а не для утонченных умов. «Сама жизнь вносит поправки. Прав не я, правы те, внизу, — эти массы народные... Шесть десятилетий я думал, что в искусстве важно одобрение избранных, умнейших из умных, но то была жестокая ошибка. Сегодня, на семьдесят седьмом году жизни, я познал, что в народе — в общности — благо: он являет собой более глубокое магическое величие, нежели индивидуум, который всегда полон пустого тщеславия...»⁹.

Верди является выразителем освободительного духа итальянцев, потому гарибальдийцы шли против австрийских поработителей с песнями Верди.

Через весь роман проходит психологический анализ образа Верди, который как бы становится образом вечного стремления человечества к свету. Верди мечтал о совершенствовании человека. Это же вечное стремление — мировоззрение писателя, которое помогало ему бороться против поработителей, против расизма и геноцида, утверждая добро. Духовный мир Верди — духовный мир Фр. Верфеля.

Верди считал, что «каждый из нас принадлежит к своей нации, и если мы окончательно не хотим лишиться корней и характера, нам следует сохранить в себе свои особенности и развивать их дальше»¹⁰. Это, по-видимому, относилось и к искусству, к его национальным корням. Но если сам писатель в искусстве принимает национальное на-

⁸ Франц Верфель. Верди, стр. 94.

⁹ Там же, стр. 264.

¹⁰ Там же, стр. 202.

чало, то в дальнейшем не может отрицать национальное сознание, которое не наносит ущерба общечеловеческому, а обогащает его новыми красками.

Роман «Верди» это гимн человеку, личности, творцу. Там еще не было народа. Но где описан человек, живущий полноценной жизнью, а не схема, за ним неизбежно вырастает народ. Так и случилось. От гимна человеку Верфель пришел к гимну народу, от Верди — к Муса-горе.

Франц Кафка и Макс Брод считали Верфеля пророком своего поколения, а Герман Гессе изображает его провозвестником и вождем тех, кто может предвосхитить свое время хотя бы на один день вперед¹¹.

Пророчески звучит роман Ф. Верфеля «40 дней Муса-горы». Но мир не понимал, что кровавые события в Армении давно переросли национальные рамки.

Часто задаются вопросом: почему в армянской литературе и искусстве создано немного крупных художественных произведений, посвященных событиям 1915 г. В таких случаях уместно вспомнить слова Мартироса Сарьяна, сказанные в день своего 87-летия. «Чужестранцы не понимают, что то, что случилось с нами, было так страшно, что мы не можем писать книги и создавать полотна. Разве можно создать художественное произведение о гибели своих родных? Со временем, когда это станет историей, нам, наверное, удастся описать это со всей глубиной...».

Фр. Верфель один из тех, кто решил события 1915 г. сделать темой художественного романа.

Известный французский публицист Анри Барби, побывавший в 1916 г. в Западной Армении, в своих путевых заметках отмечал: «Кто ни проезжает сейчас по опустошенной Армении, не может не содрогаться, так необычайно много говорят эти бесконечные дали развалин и смерти»¹².

Анатоль Франс говорил в своем выступлении в Париже в 1916 г., что «Армения разделяла наши чувства, любила то, что любили мы, верила в то, во что верили мы подобно нам ценила мудрость, справедливость, поэзию и искусство». Он говорил в прошедшем времени о народе, который стоял перед гибелью, и в этих словах было то общее, которое связывало нас с Францией, со всем миром, говорилось об искусстве, о духовных ценностях, которые общечеловечны и национальны, так как сближают все народы мира друг с другом. И слово «мы» здесь звучит как символ культуры, ее обобщающая сила, где нет границ, отделяющих народ от народа, где нет антагонизма, который так характерен для буржуазии и империализма. Обращение к недавней истории кровавых событий в Армении не было для Верфеля одним интересом к Армении, а было страстным протестом против проявления насилия во всем мире.

В 1929 г. писатель выехал из Вены с целью путешествия на Восток. В Дамаске, при посещении ковроткацкой фабрики, он увидел работающих армянских детей, в чьих глазах прочел отпечаток ужасов армянской резни. Это потрясло его. О резне армянского народа он знал уже из газет, но вид спасенных детей подействовал с такой силой, что он решил написать об этом. Рассказы очевидцев и участников героической защиты Муса-горы послужили основой для его романа. В Вене у мхитаристов три года он изучал историю Армении, наше прошлое, обычаи, историю армянской церкви, церковное богослужение и шараканы. Даже самый трудолюбивый ученик мхитаристов мог бы позавидовать усердию Верфеля. Библиотека венских мхитаристов целиком была предоставлена в его распоряжение. Он там прочел более ста томов об армянской культуре, истории, поэзии и прозе.

Из истории армянской резни он взял героическую страницу сопротивления, о которой Фритьоф Хансен в своем выступлении в 1928 г. говорил: «Враги армян ищут доказательство их унижения в том..., что они без сопротивления допустили, чтобы их повели на убой, хотя этот упрек противоречит обвинению турок, желающих представить свои жертвы как опасных мятежников... однако всюду, где было возможно, армяне

¹¹ Вступление к «40 дням Муса-горы».

¹² «Геноцид армян в Османской империи». Сборник документов и материалов, под ред. проф. М. Г. Персияна, стр. XI.

мужественно сопротивлялись, иногда с определенным успехом, как это было, например, в Ване и в горах Киликии — близ Суэдни»¹³.

Тема этого романа для Франца Верфеля не случайна, ибо его духовному миру близко было сопротивление злу, торжество правды. Ф. Верфель верил, что человечество может остановить зло, сопротивляться злу, утверждая справедливость и добро. Это предупреждение народам мира о той черной силе, которая рождалась в начале XX в. В своей книге «40 дней Муса-горы» он во весь голос напомнил людям, что фашизм — эта бесчеловечная тирания — явление не новое, что он имеет свой страшный прецедент — армянский геноцид. Конечно, произведение «40 дней Муса-горы» имеет свою конкретную почву — Армению и ее героическое сопротивление против кровавого насилия турецких палачей. Однако для Верфеля-гуманиста важно не только это. Для него важно выразить также свою философскую концепцию «противления злу».

Франц Верфель, описывая в своем романе события 1915 г., не хотел суживать этот вопрос до пределов одной Киликии. Взяв события одной Киликии, он говорил о судьбе армянского народа, который страдал и стал жертвой турецких зверств в Ване, Муше, Битлисе, Зейтуне и во всех тех местах, где жили западные армяне. Около четырех лет изучал писатель материалы о событиях Муса-горы, где горстка армянского народа с беспримерным героизмом защищалась от озверевших турецких полчищ.

Книга написана в 1934 г., когда фашизм стал хозяином положения в Германии и готовился «аншлюссом» присоединить к себе Австрию, родину Фр. Верфеля.

Роман «40 дней Муса-горы» начинается надеждой на светлое будущее человечества, это общая вера в человечество, это не анализ, не изучение пути развития человечества, а просто внутренняя вера в добро. Однако где-то уже чувствуется, что сопротивление злу для него уже становится программой. «40 дней Муса-горы» не просто кусок истории армянского народа, его героической жизни, это разговор писателя с самим собой, это проверка своих раздумий, это обращение ко всему миру, где есть очаги справедливого сопротивления.

Роман «40 дней Муса-горы» — обвинительный документ против турецких палачей, которые хотели уничтожить древний народ с его многовековой культурой, предать забвению слова «Армения» и «армяне». Это преступление, которое Горький называл гнусным, совершалось на глазах мира.

Гитлер надеялся, что не вспомнят, а может быть, в какой-то степени забыли резню армян турками, но Фр. Верфель напомнил о ней, став одним из страстных борцов за справедливость, гуманность и прогресс.

Армянский читатель воспринимает автора романа «40 дней Муса-горы» Фр. Верфеля как своего друга и чтит его светлую память.

¹³ Там же, стр. 489.